

ПИСЬМО А. Н. ТОЛСТОГО О БУНИНЕ

Сообщение Ю. А. Крестинского

Публикуемое письмо и причины, продиктовавшие его, — важный материал для изучения того периода жизни Бунина, когда он пришел к мысли о возвращении на родину. Это письмо является также интересной страницей в истории взаимоотношений Бунина и А. Толстого, менявшихся на протяжении тридцати с лишним лет и прошедших через несколько этапов.

Знакомство Бунина с Толстым состоялось в 1909 г., Бунин был тогда уже известным писателем; Толстой, будучи на 12 лет моложе Бунина, только начинал свой литературный путь. Бунин вспоминал позднее, что впервые увидел молодого писателя в редакции журнала «Северное сияние». Бунин редактировал беллетристический отдел журнала, Толстой принес туда рукопись своих «Сорочьих сказок». «...они были написаны не только ловко, — вспоминает Бунин, — но и с какой-то особой свободой, непринужденностью (которой всегда отличались все писания Толстого). Я с тех пор заинтересовался им, прочел его „декадентскую книжку стихов“, будто бы уже давно сожженную, потом стал читать все прочие его писания»¹.

На первом этапе их взаимоотношений со стороны Бунина было покровительство и интерес к начинающему писателю; Толстого же привлекали высокое бунинское мастерство, его авторитет. По мере того как Толстой стал занимать все более заметное место в русской литературе 1910-х годов, отношения писателей менялись и перешли в близкое знакомство на равных началах. В литературной жизни этой поры они занимали примерно одинаковое место — в рядах передовой реалистической литературы.

Когда вновь организованное в Петербурге Издательское товарищество писателей выпустило в 1912 г. свой первый сборник, его участниками стали и Бунин, и Толстой. Очень скоро на смену Петербургскому издательству было создано Книгоиздательство писателей в Москве, начавшее выпускать сборники «Слово», в известной мере продолжавшие традиции сборников «Знания». Из восьми сборников, вышедших за 1913—1918 гг., в пяти (сб. 1, 3, 4, 7 и 8) среди авторов присутствуют Бунин и Толстой. Оба они дали свои произведения для сборника «Щит», изданного в 1915 г. под редакцией Л. Андреева, М. Горького и Ф. Сологуба.

Много общего было у Бунина и Толстого и в других отношениях. Род Толстых, как и род Буниных, дал русской классической литературе несколько славных имен, и это обстоятельство, которым со своей стороны особенно гордился Бунин, подчеркивало преемственность в служении искусству обоих современников. Оба писателя были из родовитого, но скудеющего дворянского сословия. Оба не имели иных источников дохода, кроме литературного труда. Во многом сходными были полученное воспитание и окружение детских лет, проведенных в глуши русской деревни. Сравнительно близкими были взгляды на искусство. В своем творчестве и Бунин и Толстой были последовательными реалистами. Совпадало и их отношение к наследию русской классики: для обоих вершинами искусства были Пушкин, Лев Толстой, Чехов; спорным считался Достоевский.

Объединяли Бунина с А. Толстым также и свойственные либеральной художественной интеллигенции заблуждения. Оба они, хотя и знали достаточно близко русскую деревню, были далеки от понимания подлинных интересов и чаяний народа, отгораживались от общественной борьбы, провозглашая независимость искусства от поли-

тики. Оба следовали идеям отвлеченного гуманизма. Следствием одних и тех же заблуждений было примерно одинаковое у обоих писателей отношение к Февральской революции, свергшей самодержавие и этим якобы принесшей свободу русскому народу. Сходной для Бунина и Толстого была явная растерянность и непонимание исторической сущности событий, последовавших за Октябрем 1917 г. В социалистической революции оба писателя увидели не начало созидания нового общества, а всеобщее разрушение, в большевиках — не руководителей народных масс, а бунтовщиков-террористов. Общность взглядов определила однотипность позиций и жизненного пути в первые послереволюционные годы.

Зимой 1917—1918 гг. Толстой и Бунин часто встречались. Они были в числе организаторов клуба московских писателей и «Товарищества московских писателей», большинство членов которых тезисом независимости искусства от политики маскировали отрицательное отношение к Октябрю и к большевикам. Встречи происходили и на устраиваемых «Товариществом...» вечерах в кафе «Элита» и «Летучая мышь». Обстановка на этих вечерах зарисована в дневнике Толстого: «...холодное, плохо освещенное, очень высокое кафе. От табачного дыма—мгла. Чай и кофе без сахара. Входят газетчики, кричат о гибели России. Афиша о выборе короля поэтов. В ноги дует. Входят мокрые от снега. Сидят бездомные беженцы, кокаинные барышни, голодные писатели. Дома делать нечего. Сидят часами. Иногда поднимается спор о вещах почти космических...»².

Происшедшее размежевание русской интеллигенции при ответе на главный вопрос эпохи — с кем идти, с большевиками или против них? — привело ряд писателей, и среди них Бунина и Толстого, к эмиграции из Советской России. Бунина несколько раньше, Толстой — позже уехали из Москвы, а в сентябре 1918 г. они снова встретились в Одессе, оккупированной сначала германской армией, а затем союзными войсками Антанты, поддерживавшей белогвардейские военные формирования.

Толстой прожил в Одессе почти восемь месяцев, Бунин — полтора года. Частые встречи, общность судьбы, общие надежды и разочарования еще больше сблизили в это время обоих писателей. Нет свидетельств о каких-либо принципиальных разногласиях между ними. Письма, которые Толстой писал несколько позже Бунину, говорят об установившихся искренних дружеских связях.

В начале апреля 1919 г., при подходе Красной Армии к Одессе, Толстой уехал. Родина осталась за кормой парохода, набитого «бывшими» людьми — разного толка белоэмигрантами. Началось «хождение по мукам» на чужбине, длившееся около четырех лет.

Бунин тогда не уехал и пять месяцев прожил в Одессе при Советской власти. В августе 1919 г. Одесса была снова захвачена войсками Деникина. Именно в этот период Бунин получил от Толстого из Парижа несколько писем, полных дружеской тревоги за него и зовавших во Францию³.

Во время нового наступления Красной Армии на Одессу, в январе 1920 г., Бунин повторил путь Толстого, покинул родину и, претерпев вместе с другими белоэмигрантами всевозможные унижения и невзгоды, через два месяца добрался до Парижа. Здесь снова начались частые встречи писателей. Они сдружились еще больше и даже, судя по переписке, перешли на «ты». Бунин, в частности, вспоминает: «Жили мы с Толстыми в Париже особенно дружно, встречались с ними часто, то бывали они в гостях у наших общих друзей и знакомых, то Толстой приходил к нам с Наташей <...>»⁴.

И все же это время было уже началом завершения второго — обоюдно дружеского — этапа отношений между писателями. Начинается все большее расхождение путей Толстого и Бунина — на этот раз уже окончательное.

Хорошо известен сложный процесс изменения мировоззрения Толстого в годы эмиграции, произведенная им в 1921—1923 гг. переоценка многих ценностей и, в первую очередь, пересмотр отношения к социалистической революции, к партии большевиков. Существенным моментом в этой эволюции, важным шагом на пути возвращения

домой — в Советскую Россию — был переезд Толстого из Парижа в Берлин в октябре 1921 г.

Бунин, цитируя письма Толстого к нему из Берлина, выделяет строку: «Если я получу что-нибудь со спектакля моей пьесы, то я буду обеспечен на лето...» (из письма от 21 января 1922 г.) — и делает вывод: «Значит, он тогда еще и не думал о возвращении в Россию. Однако это письмо было уже последним его письмом ко мне»⁵.

Этот вывод был построен на весьма шатком основании. О возвращении на родину Толстой думал еще в Париже. Отсюда он писал жене в деревушку Камб под Бордо летом 1921 г.: «Я сжигаю все позади себя, — надо родиться снова. Моя работа требует немедленных решений. Ты понимаешь категорический смысл этих слов? Возвращайся. Ликвидируй квартиру. Едем в Берлин, и если хочешь, то дальше»⁶. Слово «дальше» в контексте письма могло означать только одно — в Советскую Россию.

В апреле 1922 г. в берлинской газете «Накануне» было опубликовано открытое письмо А. Н. Толстого — ответ Н. В. Чайковскому, возглавлявшему комитет помощи писателям и ученым белоэмигрантам. В этих кругах письмо произвело впечатление разорвавшейся бомбы. Толстой открыто заявил, что совесть зовет его не отсиживаться в подвале эмиграции, а «ехать в Россию и хоть гвоздик свой собственный, но вколотить в истрепанный бурями русский корабль»⁷. «Я отрезаю себя от эмиграции. Эмиграция ругает меня с остервенением...»⁸, — писал вскоре Толстой, полностью сознавая политическое значение своего ответа Чайковскому.

Белоэмигрантский «Союз русских литераторов и журналистов в Париже» исключил А. Толстого в мае 1922 г. из членов Союза. Показательно, что при голосовании этого вопроса из 22 присутствующих Куприн был против исключения, Бунин и С. Юшкевич воздержались, остальные голосовали «за». Как отмечено в газетном отчете, наиболее рьяно настаивала на исключении «меценатка» Цетлин⁹.

Весной 1923 г. Толстой приехал в Москву. Кончился самый драматический период его жизни — годы эмиграции. Он стал участником строительства нового общества. Перед его творчеством раскрылись грандиозные перспективы. Для Бунина все оставалось без перемен. Его «непримиримость» утвердилась, для него как бы остановилось движение времени, он продолжал жить прошлым, и только по мере утраты надежд на будущее нарастала в нем горечь разочарования.

Сопоставление судеб Толстого и Бунина вызывает вопрос: чем объясняется все происшедшее с ними, где причины того, что их пути, идущие вначале почти параллельно, впоследствии расходятся в противоположных направлениях.

Причины, определяющие мировоззрение человека, обычно находятся в сложном комплексе социальных условий его формирования. Но немаловажную роль играет и характер личности, душевный строй человека. Доказательные примеры тому — Бунин и Толстой. Влиянием только социальных условий никак не объяснить закоснелость взглядов Бунина после 1917 г. и прогрессивную эволюцию мировоззрения Толстого. Конечно, обусловленная социальными факторами «внутренняя закваска» Толстого и Бунина была не одинакова, но различия между ними не столь принципиальные. Не случайно одна и та же дорога привела писателей в Одессу и Париж. Так же не случайно разошлась она в Париже, хотя там среда и окружение, все социальные влияния и воздействия были идентичными. В данном случае это во многом было обусловлено внутренним духовным складом, характером каждого писателя.

Если считать, что противоположности легче сходятся, то к перечислению того общего, что способствовало сближению Бунина и Толстого, надо добавить полную противоположность их характеров.

У Толстого было не только прекрасное физическое, но и моральное здоровье. Его натуре свойственны общительность, веселость, жизнелюбие, способность даже злое смягчать юмором, не покидающее его чувство радости бытия, постоянная вера в счастливое будущее. Эти черты мировосприятия окрасили все его творчество:

от первых рассказов и повестей цикла «Заволжье» до последних страниц романа «Петр Первый», созданных уже слабеющей, но по-прежнему славящей жизнь рукой.

Характер Бунина гораздо противоречивей, чем у Толстого, сочетанием противоположных черт. С отзывчивостью, интересом к людям, их жизни, способностью к прочной дружбе, в натуре Бунина всегда сочетались, а порой превалировали эгоцентризм, замкнутость, чрезмерная гордость, желчная раздражительность, повышенный критицизм, переходящий в сарказм, а любовь к жизни омрачалась болезненно-неотступными мыслями о смерти, что окрашивало его творчество тональностью безнадежности. Негативные черты характера Бунина обострились переживаниями первых лет эмиграции и некоторые из них даже гиперболизировались.

Эти различия человеческих натур во многом помогают объяснению того, почему жизненные дороги двух писателей разошлись. Вывод о закономерности, приводящей при прочих близких социальных условиях оптимиста-сангвиника на путь прогрессивного развития человеческой мысли, а пессимиста-холерика — к консерватизму, основанный только на примере Бунина и Толстого, может показаться спорным. Но, думается, найдется в истории немало других имен, чье соотношение характера, мировоззрения и политического кредо подтвердят этот вывод.

Однако вернемся к нашей основной теме. Отношение Бунина к своим собратьям по перу определялось после 1917 г. в первую очередь их отношением к Октябрьской революции. Для Бунина это было чем-то вроде лакмусовой бумажки. Красная окраска неизменно диктовала ему отрицательные оценки как творчества, так и личности того или иного писателя. Яростные нападки Бунина вызывали Блок, Брюсов, Маяковский, Есенин. Бунин разорвал дружеские связи с Горьким и пытался даже отрицать искренность своих дореволюционных доброжелательных писем Горькому с восторженной оценкой его произведений. К перечню бывших друзей, принявших революцию и потому ставших для Бунина неприемлемыми, прибавился и Алексей Толстой.

Начался последний этап взаимоотношений писателей, в котором преобладают со стороны Бунина неприязнь и злая ирония, со стороны Толстого — сожаление о трагической судьбе большого художника.

В первые дни после приезда в Москву в беседе с корреспондентами Толстой по личным впечатлениям от 1919—1923 гг. рассказал о белоэмигрантских писательских группах: «Парижская группа возглавляется наиболее непримиримыми Д. С. Мережковским и З. Гишпиус. Сюда, между прочим, входят: Куприн, Бунин, Лазаревский и др. В литературном смысле группа эта, за исключением Бунина, мало что дает. <...> Бунин только за последнее время вернулся к беллетристике. Что же касается политической деятельности Куприна и Бунина, то ведь Куприн никогда не занимался политикой, — какой же он политик! Куприн не работает, почти бедствует. Бунин, также насильно удерживаемый влиянием Мережковского, — все еще под впечатлением Одессы 1919 года с ее голодом, хаосом, бесконечной сменой правительств. Под этим углом зрения воспринимает он русскую жизнь.

Но для Мережковского и других заправил парижской группы неважно, что и Куприн, и Бунин пропадают для русской литературы, — им важно удержать их за границей, оторвать совсем от России, пусть они бедствуют, даже умирают с голоду — все это их мало интересует.

Обоих этих писателей следовало бы вырвать из той гнилой, полной ненависти к Советской России атмосферы и вернуть их русской литературе»¹⁰.

Через полтора года после этого интервью, тоже в беседе с газетным корреспондентом, Толстой, ссылаясь на сообщение только что приехавшего из Парижа артиста Второй студии Художественного театра Вл. Подгорного, говорил: «В Париже остались Мережковский, Гишпиус, Куприн, Бунин, которые живут сейчас за счет благотворительности. <...> Бунин ходит совсем зеленый от злости.

Писать не пишут. Куприн после бегства из России не написал ни строчки беллетристики. Бунин мало пишет, а если пишет, то подражает самому себе»¹¹.

Весьма вероятно, что эти высказывания, опубликованные в советской печати

дошли до Бунина и усилили его неприязнь к Толстому, хотя являлись только пересказом впечатлений Вл. Подгорного.

Однако неприязнь к Толстому все же не до конца зачеркнула у Бунина признание толстовского таланта и мастерства.

Близкий в то время к Бунину журналист вспоминает: «Бунин прочел „Петра Первого“ Алексея Толстого и пришел в восторг. Не долго думая, сел за стол и послал на имя Алексея Толстого, в редакцию „Известий“, такую открытку: „Алеша! Хоть ты и ..., но талантливый писатель. Продолжай в том же духе. И. Б у н и н“¹². Повидимому, это произошло в 1932—1933 гг., когда в Париже стала известной первая часть романа «Петр Первый».

Есть основания предполагать, что был и еще один отклик Бунина на «Петра Первого» в конце 1934 — начале 1935 г., после того как две части романа вышли отдельной книгой. Об этом можно судить по письму М. Алданова Бунину 22 июня 1935 г., в котором рассказано о встрече Толстого с Н. А. Тэффи в Париже, в день открытия первого Конгресса писателей в защиту культуры (21 июня 1935 г.): «Тэффи окликнула Толстого, — они поцеловались на виду у всех и беседовали минут десять. Толстой спросил Тэффи, „что Иван?“, сказал, что получил вашу открытку и „был очень тронут“, сказал также, что вас в СССР читают. Больше ни о ком не спрашивал»¹³.

Этот небольшой эпизод не только подтверждает, что Бунин сумел оценить художественные достоинства «Петра Первого», но и свидетельствует о постоянном интересе Толстого к Бунину.

Последняя встреча писателей произошла в октябре 1936 г. во время поездки Толстого в составе советской делегации на Конгресс защиты мира в Брюссель. Рассказывая журналистам о своей поездке по Европе после Конгресса, Толстой упомянул и об этой встрече: «Случайно, в одном из кафе Парижа я встретился с Буниным. Он был взволнован, увидев меня. Я спросил, что он намерен делать. Бунин сказал, что хочет переехать в Рим, так как ему не хочется еще раз связываться с революцией. <...>

Я прочел три последних книги Бунина — два сборника мелких рассказов и роман „Жизнь Арсеньева“. <...> Судьба Бунина — наглядный и страшный пример того, как писатель-эмигрант, оторванный от своей родины, от политической и социальной жизни своей страны, опустошается настолько, что его творчество становится пустой оболочкой, где ничего нет, кроме сожалений о прошлом и мизантропии»¹⁴.

Ту же встречу вспомнил и Бунин в заключительной части очерка «Третий Толстой». Но здесь звучит совершенно иная тональность, подчеркивающая общую тенденцию всего очерка. Сам Бунин в апреле 1949 г. сообщал в одном из писем, что этот очерк о Толстом — «зернистая вещь», «с большими похвалами его таланту писательскому и меньшими — таланту житейскому»¹⁵.

Бунин написал очерк через несколько лет после смерти Толстого. Былое ожесточение должно было бы смягчиться. И все же названные автором саркастически «меньшими» похвалы таланту житейскому были не чем иным, как злым памфлетом — портретом хотя и талантливого, но легкомысленного и, главное, беспринципного человека.

Стремясь вогнать все возможное в намеченную схему характеристики, Бунин даже явно выдуманные юмористические устные рассказы Толстого, такие, например, как новелла на бродячий сюжет продажи несуществующего имени, или шутивное хвастовство автомобилями и трубками, принимает — сознательно или бессознательно, трудно судить, — за чистую монету. Для Бунина главное — доказать в этом очерке, что переход на сторону революции — это приспособленчество, продажа первородства за чечевичную похлебку. В этом, как видно, он находил моральное оправдание собственных заблуждений, своей трагически сложившейся судьбы.

Примером такого самооправдывающего тенденциозного преломления, а точнее — искажения (субъективного или объективного) фактов служит еще один злой выпад Бунина против покойного Толстого. Во имя восстановления истины следует привести

Iw. Bunin
Grasse 1934.

БУНИН

Фотография. Грасс, 1934

С автографической подписью Бунина: «Iw. Bunin, Grasse. 1934».

Литературный музей, Москва

его слова, чтобы показать их несостоятельность. Тем более, что, к сожалению, они были приведены и в советской печати — сначала в газете «Литературная Россия», затем в комментариях к собранию сочинений Бунина. Вот эти слова: «Что бы я там (в «Окаянных днях»).—Ю. К.) ни писал, однако я все же не предлагал загонять большевикам иголки под ногти, как это рекомендовал в ту пору в одной из своих статей Алеша Толстой»¹⁶.

Предвзятость бунинского утверждения очевидна исследователям творчества Толстого, знающим как опубликованные, так и архивные материалы писателя. Садистическая кровожадность вообще никак не вяжется с гуманистическим строем его мировоззрения. Откуда же Бунин почерпнул материал для этого выпада против Толстого? Совсем чудовищным казалось предположить здесь плод чистой фантазии. Ответ нашла Л. И. Толстая, напомнив о персонаже романа Толстого (в первой редакции «Черное золото»— 1931 г., «Эмигранты»— 1940 г.) — белогвардейском офицере Биттенбиндере из бандитской шайки, действующей в Стокгольме под политической вывеской «Лиги борьбы за восстановление Российской империи». Существо этого человеческого отребья раскрывается в эпизоде обсуждения членами «Лиги» плана ограблений и убийств просоветски настроенных лиц: «Я его знаю,—крикнул Биттенбиндер,— голубые очки — харьковский чекист... Этому молодчику спицы надо под ногти!»¹⁷. Реплика персонажа, созданного Толстым художественного образа выродка и садиста, очевидно, превратно трансформировалась в воспоминаниях Бунина и была переадресована автору.

Надо думать, что в данном случае искажение не было преднамеренным. Тем более, что дальше в том же изложении беседы с Буниным сказано: «После этого предварительного злого пассажа в адрес Толстого Бунин много и долго говорил о нем. И за этими воспоминаниями чувствовалось все вместе: и давняя любовь, и нежность к Толстому, и ревность, и зависть к иначе и счастливей сложившейся судьбе, и отставание правильности своего собственного пути»¹⁸.

В начале второй мировой войны Бунин был близок к решению вернуться на родину. И тогда лучшие из его противоречивых чувств подсказали ему обращение к Толстому. Л. И. Толстая вспоминает, что открытка от Бунина была получена А. Н. Толстым примерно в начале июня 1941 г. В ней Бунин, правда, довольно сдержанно, жаловался на трудные условия своей жизни, не высказывая прямо желания вернуться на родину. К сожалению, этот интересный для биографии Бунина документ затерялся, очевидно, во время войны, при переездах Толстого. Но быстрой реакцией на него писателя явилось публикуемое ниже письмо И. В. Сталину от 17 июня 1941 г.

Толстой пишет под впечатлением не только ему одному адресованной открытки. Н. Д. Телешов (после почти двадцатипятилетнего перерыва в переписке) тоже получил открытку Бунина, датированную 8 мая 1941 г. Ее текст опубликован¹⁹. Но для удобства сопоставления с письмом Толстого Сталину приведем здесь ее вторую часть, где Бунин пишет о себе: «Был я „богат“, а теперь, волею судеб, вдруг стал нищ, как Иов. Был „знаменит на весь мир“ — теперь никому в мире не нужен,—не до меня миру! Вера Николаевна очень болезненна, чему помогает и то, что мы весьма голодны. Я пока пишу — написал недавно целую книгу новых рассказов, но куда ее теперь девать? А ты пишешь?» Взорвавшимся внутренним противоречием звучит приписка на полях: «Я сед, сух, но еще ядовит. Очень хочу домой».

В архиве Л. И. Толстой сохранились черновики трех редакций письма Толстого к Сталину. В первой редакции характеристика Бунина, его творчества более развернута, чем в окончательной редакции, и представляет несомненный историко-литературный интерес. Приводим этот текст.

Дорогой и глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович, я получил из Франции от писателя Ивана Бунина эту открытку. Позвольте высказать Вам то, что я думаю об этом писателе. Как художник он принадлежит к послечеховскому поколению; в то время когда после первой революции русская литература (за исключением М. Горького) [устремилась].

испуганная раскатами народной бури, устремилась к богоискательству, [Мережковский] к мистическому анархизму, к символизму (в основе которого [было] лежала платоновская концепция идеального мира), — Иван Бунин, — также испуганный 1905 годом, — с беспощадным реализмом начал рисовать деревню, сдирая с нее [лакировку] народвольтческую лакировку. Его беспощадный, вещественно осязаемый реализм был шагом вперед [по] вслед за ироническим импрессионизмом Чехова. Затем началась его серия рассказов о беспощадном мире, связанных с его путешествиями на Восток и по Европе. Затем — в эмиграции третий период его творчества — можно определить как потерю творческого напряжения, его мастерство остается, [при нем] но он уже повторяет самого себя, [он уже без яда] и его ужас видения страшного мира — наигран, его яд — не обжигает.

В 1936 году в Париже мы встретились, эта встреча была случайной, в кафе, он был к ней не подготовлен, и мог бы легко уклониться от встречи, но он очень [горячо] был взволнован и дружелюбен, [он говорил безо всякого...] настроение его было подавленное: — его книжки расходились в десятках экземпляров, его не читали, не любили в эмиграции, переводы его также не шли, ему не для кого было писать... (Материально он был обеспечен, получив Нобелевскую премию). Но о возвращении в СССР он не говорил. Но он и не злобствовал. Вообще же он с самого начала держался особняком и в стороне от эмиграции.

До сих пор у нас его влияние значительно на советскую литературу. Одни, — например Михаил Шолохов, — ценят его [как о...] за ту [высоту изобразительности] остроту [видения] и четкость видения вещей и высоту [изобразительности] изображения [типичных] типичного, ниже которой писать нельзя, ниже бунинского реализма — будет расплывчатость и вялость. Так же к нему отношусь и я. Искусства Бунина нельзя не знать. Другие учатся у него мастерству.

Ему сейчас под семьдесят лет. В 1936 году — он был вполне еще свеж и работоспособен.

<...> [Для] Нас — советских писателей — судьба художника Бунина, конечно, глубоко волнует.

На обороте одной из страниц рукописи первой редакции заготовлена такая фраза: «Тов. Потемкин рассказывал мне, как по поводу возвращения Куприна в СССР — И. Бунин выступил в печати в защиту Куприна — „Я его понимаю“ ». Эта ссылка на В. П. Потемкина²⁰ не вошла ни в одну из редакций письма.

Вторая редакция незначительно отличается от третьей — окончательной. Редактируя текст письма, Толстой добивался сокращения текста, выделения главного, акцентирования политического аспекта позиций Бунина. Ни в одной из редакций не высказываются никакие личные сомнения автора. От начала до конца в этом письме, своего рода поручительстве за белоэмигранта, Толстой без оговорок высказывает свое отношение к Бунину: признание его высокого художественного мастерства, уверенность в том, что возвращение старого писателя на родину будет во всех отношениях полезным, стремление всячески помочь ему.

Необычно большое для эпистолярной манеры Толстого число черновиков письма, тщательность шрифтовки текста, свидетельствуют и о том, что писатель сознавал ответственность подобного обращения, и о его чувстве горячей заинтересованности в положительном решении поднятого вопроса.

Письмо Толстого к И. В. Сталину было сдано в экспедицию Кремля 18 июня 1941 г. События, наступившие в ночь с 21 на 22 июня, отодвинули в сторону все, не имеющее отношения к войне.

Письмо А. Н. Толстого публикуется полностью по тексту, хранящемуся в личном архиве писателя. Отрывок из письма был приведен в журнале «Исторический архив», 1962, № 2, стр 159.

17 июня 1941 г.

Дорогой Иосиф Виссарионович, я получил открытку от писателя Ивана Алексеевича Бунина, из неоккупированной Франции. Он пишет, что положение его ужасно, он голодает и просит помощи²¹.

Неделей позже писатель Телешов также получил от него открытку, где Бунин говорит уже прямо: «Хочу домой».

Мастерство Бунина для нашей литературы чрезвычайно важный пример — как нужно обращаться с русским языком, как нужно видеть предмет и пластически изображать его. Мы учимся у него мастерству слова, образности и реализму.

Бунину сейчас около семидесяти лет, он еще полон сил, написал новую книгу рассказов²². Насколько мне известно, в эмиграции он не занимался активной антисоветской политикой. Он держался особняком, в особенности после того, как получил нобелевскую премию²³. В 1937 г.²⁴ я встретил его в Париже, он тогда же говорил, что его искусство здесь никому не нужно, его не читают, его книги расходятся в десятках экземпляров.

Дорогой Иосиф Виссарионович, обращаюсь к Вам с важным вопросом, волнующим многих советских писателей, — мог бы я ответить Бунину на его открытку, подав ему надежду на то, что возможно его возвращение на родину?

Если такую надежду подать ему будет нельзя, то не могло бы Советское правительство через наше посольство оказать ему материальную помощь. Книги Бунина не раз переиздавались Гослитиздатом²⁵.

С глубоким уважением и с любовью
Алексей Толстой

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Из очерка «Третий Толстой» (Собр. соч. 1965—1967, т. 9, стр. 434). Упомянутая здесь первая книга стихов Толстого: Лирика, Пб., изд. автора, 1907.

² Цит. по кн.: Ю. А. Крестинский. А. Н. Толстой. Жизнь и творчество. М., Изд-во Академии наук СССР, 1960, стр. 122—123.

³ Бунин. Собр. соч. 1965—1967, т. 9, стр. 438—439.

⁴ Там же, стр. 441. Наташа — Н. В. Крайдиевская-Толстая, жена писателя с 1915 по 1935 г.

⁵ Там же, стр. 444.

⁶ Цит. по кн.: Ю. А. Крестинский. А. Н. Толстой. Жизнь и творчество, стр. 134.

⁷ А. Н. Толстой. Полн. собр. соч. в 15 томах, т. 13. М., 1949, стр. 15.

⁸ Из письма Толстого к А. М. Соболю от 12 июня 1922 г. Цит. по кн.: Ю. А. Крестинский. А. Н. Толстой. Жизнь и творчество, стр. 138.

⁹ «Накануне», Берлин, 1922, № 40, 14 мая.

¹⁰ А. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 487—488.

¹¹ Там же, стр. 491.

¹² Бунин. Собр. соч. 1965—1967, т. 9, стр. 607; см. также: Г. Н. Кузнецов в а. Грасский дневник. Вашингтон, 1967, стр. 178 (запись 15 октября 1930 г.).

¹³ Сообщено А. Н. Дубовиковым.

¹⁴ А. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 517—518.

¹⁵ Бунин. Собр. соч. 1965—1967, т. 9, стр. 608.

¹⁶ Там же, стр. 607.

¹⁷ А. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 184.

¹⁸ Бунин. Собр. соч. 1965—1967, т. 9, стр. 607.

¹⁹ См. настоящ. том, кн. 1, стр. 623. Впервые эта открытка была опубликована в «Новом мире», 1956, № 10.

²⁰ Владимир Петрович Потемкин (1878—1946) — до 1937 г. — полпред СССР во Франции, с 1937 г. по 1940 г. — первый заместитель наркома иностранных дел, с 1940 г. по 1946 г. — нарком, затем — министр просвещения РСФСР.

²¹ Эти мотивы повторяются во многих письмах Бунина военных лет (см. настоящ. том, стр. 458, 504—505).

²² Толстой повторяет здесь слова Бунина из его открытки Н. Д. Телешову от 8 мая 1941 г.: «Я пока пишу — написал недавно целую книгу новых рассказов» (см. настоящ. том, кн. 1, стр. 623). С 1934 г. по 1938 г. Бунин написал и опубликовал в различных газетах и журналах более десяти рассказов, часть которых потом вошла в сборник «Темные аллеи», впервые изданный в Нью-Йорке в 1943 г. Эти рассказы он, очевидно, и имел в виду, когда писал Телешову.

²³ Нобелевская премия присуждена Бунину в 1933 г. Во второй редакции письма по этому поводу была фраза: «несомненно, его честолюбие художника было сильно взвинчено получением Нобелевской премии. [оц ее по...] Эти деньги он потерял. [он сейчас нищий, им по...]

²⁴ Дата неточна — встреча произошла в 1936 г. В первой редакции письма год был назван правильно.

²⁵ Книги Бунина, изданные в СССР: «Митина любовь». Л., «Книжные новинки», 1926; «Дело корнета Елагина». Харьков, «Космос», 1927; «Сны Чанга». Избранные рассказы. М.—Л., ГИЗ, 1927; То же. М.—Л., 1928; «Худая трава». Рассказы. М.—Л., ЗИФ, 1928.